

ЭКОНОМИКА РОССИИ: ЧЕГО НЕ ХВАТАЕТ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ОТРАСЛЕЙ И ПРЕДПРИЯТИЙ

А. В. Яценко

АО «Барнаульская горэлектросеть» (Барнаул, Россия)

В статье предпринята попытка оценить итоги развития экономики РФ с момента приватизации и до настоящего времени. Актуальность проблемы заключается в том, что несмотря на значительные ресурсы, в том числе человеческий капитал, экономика стагнирует, структурных реформ нет, высокотехнологичные компании не появляются. Главное — не создаются условия для развития бизнеса на принципах самоорганизации: предпринимательство, инициатива, личные компетенции и инвестиции. Реформирование социально-экономической системы СССР не имеет исторического аналога и воспринимается как уникальная практика проверки некоторых теоретических положений и гипотез, которыми руководствовались исследователи и предприниматели в рамках рыночной экономики, например, теории рыночного равновесия, теории фирмы, теории предпочтений и других. Россия продемонстрировала своеобразный феномен как с точки зрения теории, так и практики рыночных преобразований, когда не предпринимательство, не инвестиционная активность бизнеса и населения, а узкокорыстные интересы лиц, аффилированных с властью, стали определять рыночные процессы, такая экономика получила название «экономика физических лиц», а в случае прямой ориентации на государственный бюджет — «экономика раздатка». Преобразования могли бы опираться на рыночный опыт большого числа стран, как развитых, так и развивающихся (Китай), этого не было сделано. Потеряно время на создание новых рабочих мест, в промышленной ориентации государства не сложились приоритеты развития важных отраслей для национальной конкурентоспособности. В итоге был потерян темп роста экономики.

Ключевые слова: реформа, рынок, модель, корпоративное управление, институты, промышленная политика.

RUSSIAN ECONOMY: WHAT IS NOT ENOUGH FOR THE DEVELOPMENT OF INDUSTRIES AND ENTERPRISES

A. V. Yaschenko

JSC "Barnaul Gorelektroset" (Barnaul, Russia)

The article attempts to assess the results of the development of the Russian economy from the moment of privatization to the present. The urgency of the problem lies in the fact that, despite significant resources, including human capital, the economy is stagnating, there are no structural reforms, and high-tech companies do not appear. The main thing is not creating conditions for business development on the principles of self-organization: entrepreneurship, initiative, personal competence and investment. Reforming the socio-economic system of the USSR has no historical analogue, and is perceived as a unique practice of testing some theoretical positions and hypotheses that guided researchers and entrepreneurs in the framework of a market economy, for example, the theory of market equilibrium, theory of the firm, theory of preferences, and others. Russia has demonstrated a kind of phenomenon, both from the point of view of theory and practice of market transformations, when it is not entrepreneurship, not the investment activity of business and the population, but the narrowly selfish interests of persons affiliated with the government, began to determine market processes, such an economy was called the «economy of individuals», And in the case of a direct focus on the state budget,» the economy of the distribution». The transformations could be based on the market experience of a large number of countries, both developed and developing (China), this has not been done. Time was lost on the creation of new jobs; in the industrial orientation of the state, there were no priorities for the development of important industries for national competitiveness. As a result, the economic growth was lost.

Keywords: reform, market, model, corporate governance, institutions, industrial policy.

Рассматривая итоги рыночных реформ 1990-х — 2000-х в Российской Федерации, видно, насколько сложен был объект реформирования (социалистическая экономика), его системная организация, социально-экономическая структура, институты, исторические и географические особенности, и насколько поверхностными были методы, инструменты и подходы реформаторов, которые не способствовали появлению рыночной модели российской экономики, способной к саморазвитию и эффективному росту [1–6]. Тем не менее можно извлечь некие обобщенные данные для практической пользы и критического рассмотрения многих, достаточно спорных допущений теории рынка. Не вдаваясь в подробности, согласимся с тем, что игнорирование системных принципов, исторического рыночного опыта, теоретический нигилизм не способствовали успеху рыночных преобразований в России. Государственная собственность во многих случаях была приватизирована не для производства, а для спекулятивных продаж и фактически потеряла свое первоначальное содержание. Можно привести примеры таких регионов Сибирского федерального округа, как Алтайский край (Рубцовский тракторный завод, Моторный завод, ХБК, и т. д.); Новосибирская область (Сибсельмаш, Сибтекстильмаш и другие), аналогично и по другим регионам. Новые, значимые для национальной экономики предприятия не были созданы, программы модернизации и инноваций не дали ожидаемых результатов [7–10]. Появился своеобразный феномен в практике рыночной экономики отдельной страны, когда не предпринимательство, не инвестиционная активность бизнеса и населения, а узкокорыстные интересы лиц, афилированных с властью, стали определять рыночные процессы. Такая экономика получила название «экономика физических лиц» [5], а в случае прямой ориентации на государственный бюджет — «экономика раздатка» [11]. Как считает Дж. Стиглиц, таким результатам реформ необходимо искать правдоподобные интерпретации и теоретическое объяснение [12].

Академик А. Г. Аганбегян констатирует: «Очевидно, что сложившаяся переходная, смешанная социально-экономическая система России не удовлетворяет наше общество. Из 26 лет существования новой России 14 лет (1991–1999, 2009, 2013–2016 гг.) страна пребывала в стагнации и кризисе, а в оставшиеся 12 лет (2000–2008 и 2010–2012 гг.) осуществлялся восстановительный рост. В результате основные экономические и социальные показатели страны за это время практически не выросли. Главный экономический показатель — валовой внутренний продукт — только в 2008 г. на 7% превзошел наивысший уровень,

достигнутый в советской России в 1989 г., затем опять снизился в кризис 2009 г., слегка приподнялся в трехлетний восстановительный период 2010–2012 гг. и снова на 4,5% опустился в 2015–2016 гг. Так что его уровень практически не вырос. Промышленность, сельское хозяйство, строительство достигли только 80% к уровню 1989 г. Снизился и грузооборот транспорта» [1, с. 72–73]. В этой же работе А. Г. Аганбегян приводит неутешительный анализ социальной, демографической и инвестиционной сфер, указывая на падение, по сравнению с советской Россией, показателей науки, образования, здравоохранения и инвестиций. Самое настораживающее явление это резкая дифференциация доходов и потребления населения. На основе системного анализа экономического развития ведущие экономисты: В. В. Ивантер, С. Ю. Глазьев, О. Дж. Говтвань, М. С. Гусев, М. Ю. Ксенофонов, Д. В. Кувалин, А. К. Моисеев, Б. Н. Порфирьев, В. В. Семикашев, М. Н. Узяков, и многие другие [3, 13, 14] сделали вывод о том, что социально-экономическая модель экономики РФ не обеспечивает устойчивого, динамического развития, и требует коренного изменения.

В этой связи возникает вопрос: какую социально-экономическую систему следует формировать в России? Какие итоги реформ несут конструктивную информацию для выработки стратегии преобразований? Первое, сформировать рынок без эволюции его развития в России было весьма не просто, обещания реформаторов оказались обещаниями дилетантов, к сожалению, невидимой руки рынка у нас не оказалось. В частности, и потому что «требуется институциональная инфраструктура, включающая не только механизм обеспечения соблюдения контрактов, но и политику в области конкуренции, законодательство о банкротстве, а также финансовые институты и регулирование. И хотя создание институциональной инфраструктуры требует времени, без нее приватизация, скорее, приводит к распродаже активов, чем к созданию богатства» [12, с. 113].

Второе, после приватизации производственных активов, когда в экономику РФ пришел частный интерес и управление, согласно «теории», должен был начаться процесс предпринимательской активности, конкуренции, инвестиций, создание крупных корпораций, эффективных собственников, вовлечение в экономические процессы населения через деятельность фондовых бирж, банков и т. п. Однако все пошло не так. Следует отметить, что государство путем создания проектов и стратегий, оказания поддержки и помощи малым формам бизнеса, пыталось активизировать мотивацию к высокотехнологичному производству; инновационным процессам, однако полученные от этих мер резуль-

таты нельзя считать удовлетворительными. В период с 2000 по 2020 г. в России не появилось ни одной инновационно-ориентированной корпорации со своими уникальными компетенциями и разработками, не считая некоторых отраслей ВПК [10]. Как представляется, реформирование директивной экономики СССР осуществлялось без элементарного плана или программы, главное было завладеть активами [7, 15]. В результате волонтаризма в РФ получили рыночную экономику без институтов, без мотивации к развитию, без национальной ориентации и социальной ответственности бизнеса и не оправданно высокий вывоз капитала за границу.

Естественно, такая рыночная экономика стала активно критиковаться авторитетными учеными. Так, В. М. Полтерович считает, что нужно сначала увеличить российский ВВП в расчете на душу населения до европейского уровня и осуществить стратегию «догоняющего развития». В ее рамках [15] предполагается стимулировать частную инициативу и расширять конкуренцию; опираться на обоснованную промышленную политику; организовать подлинное частно-государственное партнерство; повысить качество институтов, регулирующих деятельность бизнеса.

В этом контексте назрела важнейшая задача определения и осознания государством проблем национальной экономики, определения ее организационно-структурных элементов (отраслей и отдельных видов деятельности) и опираться на стратегию развития. Как считает С. Ю. Глазьев, российское правительство не уделяло должного внимания структурной составляющей промышленной политики российского государства за все годы после распада СССР, что естественно без промышленных инвестиций привело к разрушению ее технологической структуры и структурному кризису [3].

В. М. Кудров, анализируя процессы «накопление — сбережение», показывает неэффективность использования ресурсов развития и тоже призывает к модернизации экономики [7].

Отдельные авторы (В. В. Ивантер, Б. Н. Порфирьев, А. А. Широков, И. Н. Шокин) считают, что российская экономика определяется структурно-технологическим неравновесием, по причине научно необоснованного распределения производственных и финансовых активов в технологическом, отраслевом и региональном аспектах. Они утверждают, что нужна специальная «структурно-инвестиционная политика» устранения существующих диспропорций, которые не могут быть урегулированы на основе рыночных принципов [16]. Вышеуказанные схемы реформирования экономики РФ, можно сказать, были сформированы

на основе анализа действующей практики в период с 2000 г. и позже. Ряд авторов рассматривали эти же проблемы и с позиций теории. Сопоставляя факты и положения, было замечено, что экономическая теория стала отставать от экономической практики: сильное вмешательство государств в конкуренцию, поддержка государствами монополизации национальных корпораций, создание военно-политических и экономических блоков и союзов, возникновение торговых барьеров, экономические кризисы не могут быть интерпретированы с позиций традиционной экономической теории [10]. В этом контексте российская перестройка вообще не вписывается в категорию «индустриальной эволюции» Д. Дози, которая обязательно представляет собой исторический процесс, в котором следующий этап развития зависит от предыдущего этапа и отличается необратимостью движения [16].

Процесс такой эволюции характеризуется выбором более эффективных вариантов (например, технологических укладов) и лучших технологий (тенденций), при этом иногда возникают отступления от некоего варианта технологической и институциональной эволюции, тенденции. Могут доминировать менее прогрессивные уклады или структуры, которые могли быть доступны как вариант выбора, но были отвергнуты. Здесь возникает вопрос: как формируются сильные ограничения, которые в исторической перспективе управляют действиями агентов и корпораций? И что толкает их покидать пределы тех или иных технологий, производственных систем и социальных образований? Научной аргументации этого явления, как некоторого исхода эволюции, по существу пока нет [10]. При этом некоторые исследователи и эксперты считают, что «спекулятивный фактор» часто доминирует над научными принципами принятия решений [11, с. 31]. Можно привести примеры из реальной практики отношений бизнеса и власти в России. Так, агенты, ставшие собственниками активов, не стали придерживаться той самой «теоретической рациональности», являющейся неким постулатом теории фирмы, которую Д. Дози оправданно подвергает критике в статье «Экономическая координация и динамика: некоторые особенности альтернативной эволюционной парадигмы» [16]. Одной из ярких иллюстраций этого утверждения является выведение сотен миллиардов долларов из экономического оборота и из страны, а поскольку эти деньги получены не на новых, созданных новыми капиталистами предприятиях, а за счет эксплуатации национальных ресурсов (нефть, газ, природные ископаемые), то вывозят они не прибыль, а ренту (табл. 1). Это показывает явный провал корпоративного управления как рыночного механизма регулирования

экономики, пришедший на смену плановым методам.

Таблица 1
Вывоз капитала из Российской Федерации

Годы	Объем вывоза, млрд долл.	Годы	Объем вывоза, млрд долл.
2008	133,6	2014	154,1
2009	57,5	2015	56,9
2010	30,8	2016	15,4
2011	81,4	2017	31,3
2012	53,9	2018	60
2013	61	итого	766,2*

Источник: URL: http://fincan.ru/articles/28_ottok-kapitala-iz-rossii-ctatistika-po-godam/http://investorschool.ru/ottok-kapitala-iz-rossii-2017-statistika

* Сумма, рассчитанная с 1994 г.

Дж. Стиглиц, отмечая проблемы экономики РФ, в частности, объясняет это и провалами корпоративного управления, когда в сочетании с анархией новых собственников и слабой регуляторной позицией государства возникает возможность изъятия капиталов из воспроизводственного цикла путем распродажи и вывоза за границу активов [12]. Естественно, что подобные проявления «российского рынка» существенным образом сдерживают рост экономики РФ. Вместе с тем многие авторы, В. В. Ивантер, О. Дж. Говтвань, М. С. Гусев, М. Ю. Ксенофонтов, Д. Б. Кувалин, Ю. Б. Винслав, В. О. Осьмаков и др., считают, что потенциал роста национальной экономики достаточно высокий даже в сложившихся постперестроечных условиях [13, 17].

Потенциал роста есть, как им воспользоваться? Как представляется, приватизация дала больше негативных факторов, чем позитивных (хотя это не фатально, как считают многие специалисты, это скорее результат выбранных методов приватизации, а не дискредитация принципа частной собственности): подлинно рыночные механизмы (предпринимательство, частная инициатива, конкуренция, владение собственностью, корпоративная организация бизнеса и многое другое) не удалось выстроить, а тот паллиативный рынок, что получился в результате действий реформаторов, не смог восполнить потерю системности и связности экономики, сбалансированность функционирования, планомерность, кооперацию, отраслевую пропорциональность и обоснованность цен [17, 18,]. Тем не менее «экономика существенно недоинвестирована, не удовлетворена значительная часть потребности населения в жилье; во многих регионах низок уровень обеспечения объекта-

ми транспортной, энергетической и социальной инфраструктуры; сохраняются серьезные разрывы в отраслевой и технологической ткани отечественной экономики (есть производство электроники, но нет собственной полноценной элементной базы; есть производство техники, но почти нет высокотехнологичных станков отечественного производства, и т. д.)» [13, с. 4]. Однако базовые производственные факторы роста в российской экономике имеются при отсутствии ресурсных ограничений. Загрузка производственных мощностей не более 70–80%, следовательно, при увеличении спроса можно быстро обеспечить увеличение объемов выпуска. Значительны резервы и в области повышения эффективности занятости и производительности труда. Как утверждают авторы статьи «Система мер по восстановлению экономического роста в России» [13], примерно 30% работающих на российских предприятиях заняты малоквалифицированным трудом, с плохой организацией рабочих процессов. Это, конечно же, значительный резерв роста, поскольку при обеспечении данной категории работающих современными рабочими местами производство в стране может вырасти на десятки процентов.

Сложившаяся экономическая модель российской экономики (ресурсная направленность, пассивность в инновационной сфере, низкая доля обрабатывающих, высокотехнологичных отраслей, низкая заработная плата, стагнация роста ВВП и т. д.) вызывают угрозы, требующие немедленного реагирования со стороны государства, например, путем разработки специальной стратегии, или промышленной политики, направленной на создание новых рабочих мест, способствующих повышению качества и безопасности жизни населения. Концептуальная основа промышленной политики должна включать четкое представление о типах и видах производства в масштабах всей страны. Так, В. Л. Тамбовцев в работе [19] утверждает, что надежность роста ВВП страны обеспечивается сбалансированной структурой экономики, сочетающей крупные корпорации с существенным количеством средних и малых предприятий. В этом случае оптимально сочетается национальная безопасность и эффективность с точки зрения развития и конкурентоспособности. Автор полагает, что государство имеет возможность предложить необходимые стимулы и преференции развитию конкурентных высокотехнологичных отраслей. Весьма важный императив обеспечения роста экономики заключается в создании институтов инвестирования экономического роста. В этом контексте, как считают авторы [10], необходимо создать и внедрить в практику управления национальной модели корпоративного управления. Именно

в этом кроются существенные резервы инвестирования, в частности, появится возможность резко сократить вывоз капитала за границу, что позволит обеспечить значительный прирост инвестиций в экономику. «Бегство капитала из России ускорилось в 2020 году и достигло 47,8 млрд долларов. Это в 2,2 раза больше, чем было в 2019 году, свидетельствуют данные Центробанка. Всего же с 1994 года чистый отток капитала из России вырос до 829,6 млрд долларов. Данная сумма превышает ВВП Швейцарии — 708 млрд долл., Саудовской Аравии — 681 млрд или Турции — 650 млрд» [20]. В частности, следует активизировать появление крупных предприятий при согласованной разработке конструктивных правил для корпоративного сектора экономики. Это необходимо, прежде всего, для акционеров и миноритарных инвесторов и уходу от «инсайдерской, предпринимательской модели, характерной для переходных экономик, «когда единоличный собственник или ограниченное число собственников владеют активами и финансовыми результатами деятельности корпорации» [10, с. 135]. Ориентация на современные, апробированные в передовых экономиках западных стран модели корпоративного управления позволят существенно уменьшить количество необоснованных изъятий из оборота нераспределенной прибыли, которая при отсутствии адекватного корпоративного управления проста расхищается.

Одной из болезненных проблем российской экономики является неудовлетворительное состояние ее реального сектора, чрезмерно зависящего от импорта и внешних поставок, и которые, кроме прочего, влияют и на создание новых рабочих мест. Зависимость от импорта складывалась в результате ошибочной оценки перспектив глобализации и международного разделения труда, а также упрощения представлений о необходимой структуре экономики, потери кооперационных связей и потери многих производств после распада СССР. Внешне это вполне напоминает процесс деиндустриализации. Хотя, как считает В. А. Красильщиков, Россия встала не перед выбором стратегии деиндустриализации, а оказалась между деиндустриализацией, являющейся следствием роста эффективности самого индустриального сектора, и поверхностной, искусственной, вызванной внешними факторами, и порочной экономической политикой [21]. В работе «Об искусстве компромисса между целями экономической политики в свете кризиса в России в 2015–2016 годах» [22] О. А. Баранов осуществил развернутый анализ динамики роста российской экономики. Здесь мы остановимся только на самых общих итогах этой работы. Так, «по первой оценке Росстата, в 2016 г. ВВП России сократился относительно 2015 г. на 0,2%. В целом за 2015–2016 гг.

ВВП России уменьшился на 3%. Существенно упали реальные доходы населения — примерно на 9% за два года, в том числе на 5,9% — в 2016 г. Продолжился существенный спад в инвестиционном комплексе. По предварительной оценке, инвестиции в основной капитал в 2016 г. по сравнению с 2015 г. сократились на 0,9%, а за 2015–2016 гг. — на 10,9%» [22, с. 49]. Данные Росстата показывают, что с 2015 по 2020 г. экономика находится в состоянии стагнации, что является убедительной аргументацией оценки ее состояния, приведенной выше.

Ряд специалистов считает, что приоритетное значение для восстановления и активизации промышленности РФ (индустриального сектора экономики) имеет инвестиционное машиностроение [23, 24]. При этом они предлагают внутри него в обязательном порядке организовать систему машиностроительных предприятий инвестиционного характера. В текущий период к таким предприятиям следует отнести производство кузнечно-прессовых машин, станкостроение, электротехническое производство, подъемно-транспортное, энергетическое, электронное и приборостроительное. Необходимость такой стратегии обусловлена императивом последовательного воспроизводства активной доли основных производственных фондов и всего комплекса предприятий машиностроительной отрасли. Так должно быть для нормальной национальной экономики, имеющей рациональную структуру и поступательное развитие. Однако, как утверждают А. К. Корнев, С. И. Максимцова, С. В. Трещина, на практике происходит потеря ключевых для экономики страны производств, то есть деиндустриализация. «Деиндустриализация экономики РФ сопровождается ростом добычи и экспорта сырьевых ресурсов, прежде всего нефтегазовых, а доходы от их экспорта используются для закупок по импорту продукции обрабатывающей промышленности, прежде всего конечной. В итоге сложилась экспортно-сырьевая модель отечественной экономики, в рамках которой происходит оптимизация производственных затрат» [23, с. 50]. Естественно, что для процесса оптимизации важным фактором является критерий и конечно, это не народнохозяйственный, а обеспечивающий интересы сырьевых компаний. При этом доходы от экспорта нефти и газа не в полной мере восполняют затраты на приобретение продукции обрабатывающих отраслей и в первую очередь современных станков и технологических линий инновационного характера. Дефицит импортного высокотехнологичного оборудования сдерживает своевременное обновление технологий отечественных предприятий, снижает их конкурентоспособность, загрузку мощностей или вообще приводит их к ликвидации.

Весьма красноречиво демонстрируются противоположные процессы увеличения числа предприятий с одновременным снижением численности работающих во время массовой приватизации. Быстрый рост количества предприятий объясняется насильственным разукрупнением производственных объединений, с одной стороны, и цеховой приватизацией — с другой. Когда практически каждый цех завода становился отдельным, самостоятельным предприятием. «Число промышленных предприятий увеличилось за пять лет с 61 тыс. до 156 тыс., то есть в 2,5 раза. В дальнейшем их число изменялось в диапазоне от 161 до 145 тыс. при среднем значении в 1996–2004 гг. примерно в 155 тыс. предприятий. При этом численность промышленно-производственного персонала поступательно снижалась в течение всего постсоветского периода с 20 млн чел. в 1992 г. (328 чел. в среднем на одно предприятие) до 12 млн чел. в 2004 г. (77 чел.)» [23, с. 75]. Примерно с та-

кой же закономерностью менялась численность рабочих (см. табл. 2). Примечательно, что количество предприятий увеличилось более чем в 2 раза, а общая численность персонала, включая рабочих, снизилась на 25%. Новых собственников мало заботило производство и развитие этих предприятий. Доставшиеся почти даром, эти активы стали предметом купли продажи, о чем мы говорили выше. Весьма важную информацию об особенностях развития российской экономики дает анализ «Рейтинга 400 российских компаний по объему продаж и прибыли» [25]. Из четырехсот ведущих российских компаний почти 55% (220–230 зарегистрировано в Москве), примерно 10 — в Санкт-Петербурге, Татарстане — 5, Свердловской области — 6, Нижнем Новгороде, Кемерове, Тюмени в среднем — по 4. Во многих исторически промышленных городах со времен СССР осталось 1–2 относительно крупных предприятия, если опираться на рейтинг 400 [25].

Таблица 2

Количество промышленных предприятий в Российской Федерации и численность их персонала в 1992–2004 гг.

Год	Количество предприятий, тыс.	Численность промышленно-производственного персонала, тыс. чел.	
		всего	В том числе рабочих
1992	61,1	20020	16344
1993	104	18864	15640
1994	138	17440	14201
1995	137	16006	13000
1996	156	14934	11870
1997	159	14009	11014
1998	159	13173	10395
1999	158	13077	10245
2000	161	13294	10440
2001	155	13282	10344
2002	151	12886	9947
2003	145	12384	9485
2004	155	11977	9093

Источник: [23, с. 75].

При этом многие крупнейшие компании в СССР, территориально находящиеся и зарегистрированные по месту географического пребывания, например, в Кемеровской области (металлургические комбинаты), Красноярском крае (СУЭК, АЛРОСА) оказались в юрисдикции Москвы.

Длющаяся около 20 лет приватизация (с 1992 г.) меняла не только собственников, но и прописку предприятий, что естественно подрывало экономику регионов. Весьма интересна и отраслевая принадлежность предприятий, вошедших в рейтинг.

Так, первые в 10 лучших компаний попали корпорации нефтяной и нефтегазовой промышленности, за исключением Сбербанка (4-е место) и РЖД (5-е место), группа ВТБ (банковская деятельность) и группа Магнит (торговля). Первые три компании по рейтингу превосходят по объему продаж вошедших в десятку в 6–7 раз. При этом высокотехнологичная компания «Объединенная авиастроительная корпорация», входящая в рейтинг, — на 28-м месте, имеет объем продаж 411578 млн руб., по сравнению с НК «Роснефть» — 8238000 млн руб., то есть уступает в 20 раз.

В свою очередь, в новом рейтинге 2000 крупнейших компаний мира по результатам оценки Forbes закрепились всего 23 российских компании [26].

«В первой сотне рейтинга оказались всего три российские компании. «Газпром» занял 32 место с рыночной стоимостью в \$60,8 млрд. «Роснефть» заняла 53 строчку с капитализацией \$48,1 млрд. «Лукойл» оказался на 99 позиции (\$41,2 млрд). В первую десятку российских публичных компаний также вошли «Сургутнефтегаз» (251 место), «Новатэк» (316), Сбербанк (402), «Транснефть» (405), «Норникель» (424), банк ВТБ (452) и «Татнефть» (539)» [26].

Рейтинг составили компании из 64 стран, оценивание производилось по четырем показателям: рыночная стоимость, доходы, активы и продажи.

Вместо заключения. Многие авторы аргументированно доказывают необходимость опоры в экономике на крупные корпорации. Вот только один пример: компания «Новатэк» (316-е место в рейтинге топ-2000), в компании работают почти 14 000 человек, это достаточно важный критерий полезности для государства. Очевидно, что за рабочими местами стоят налоговые

и социальные платежи, занятость на территории ее дислокации и прочная опора для социальных проектов. Крупные корпорации обычно относятся к типу инновационно-ориентированных, поскольку их доходы позволяют инвестировать значительные суммы на инновационные разработки. Именно крупные корпорации способны осуществлять все этапы инновационных работ от фундаментальных исследований до массового производства и переносить центр конкуренции в сферу компетенций.

Однако что Россия делает для появления крупных компаний? Несмотря на конструктивную критику ученых, экспертов, представителей бизнеса, Правительство РФ проводит сверхконсервативную экономическую политику, что резко отличается от политики успешных рыночных стран (Китай, США) [1, 3, 4, 6, 14, 22, 23]. В них для стимулирования экономического роста снижают НДС, уменьшают налог на доходы физических лиц, снижают налог на корпорации, а также уменьшают учетную ставку и осуществляют большое предложение денег на открытом рынке. Естественно, это существенно увеличивает рост экономики за счет притока инвестиций и активности населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аганбегян А. Г. В преддверии структурных реформ и социально-экономического роста: куда идти? (размышления над книгой «Новое интегральное общество») // ЭКО. 2017. № 1. С. 72–93.
2. Винслав Ю. Б. Эволюция постсоветской экономической системы // РЭЖ. 2020. № 1. С. 3–53.
3. Глазьев С. Ю., Ивантер В. В., Макаров В. Л., Некипелов А. Д., Татаркин А. И., Гринберг Р. С., Фетисов Г. Г., Цветков В. А., Батчиков С. А., Ершов М. В., Митяев Д. А., Петров Ю. А. О стратегии развития экономики России // Экономическая наука современной России. 2011. № 1. С. 3–22.
4. Глазьев С. Ю., Чистилин Д. К. Куда пойдет Россия? (Анализ предложенных программ социально-экономического развития страны) // Российский журнал. 2017. № 6. С. 3–20.
5. Клейнер Г. Б. От «экономики физических лиц» к системной экономике // Вопросы экономики. 2017. № 8. С. 56–74.
6. Аганбегян А. Г. О неотложных мерах по возобновлению социально-экономического роста // Проблемы прогнозирования. 2019. № 1. С. 3–15.
7. Кудров В. М. Экономика России: сущность и видимость // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 2. С. 39–48.
8. Бажутин И. А., Бажутина М. М. Постиндустриальная модель развития России // Управленческие науки. 2017. № 2. С. 15–23.
9. Кондратьев В. Б. Корпоративный сектор и государство в стратегии глобальной конкурентоспособности // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 3. С. 24–31.
10. Межов С. И., Межов И. С. Национальные проекты: нужна новая модель корпоративного управления // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2019. № 2. С. 128–144.
11. Бессонова О. Э. Институциональная дилемма современной России // Экономическая наука современной России. 2018. 4 (82) С. 23–36.
12. Стиглиц Дж. Quis custodiet ipsos custodes? Неудачи корпоративного управления при переходе к рынку // Экономическая наука современной России. 2001. № 4. С. 108–139.
13. Ивантер В. В., Говтвань О. Дж., Гусев М. С., Ксенофонтов М. Ю., Кувалин Д. Б., Моисеев А. К., Порфирьев Б. Н., Семикашев В. В., Узяков М. Н., Широков А. А. Система мер по восстановлению экономического роста в России // Проблемы прогнозирования. 2018. № 1. С. 3–9.

14. Ивантер В. В., Порфирьев Б. Н., Широков А. А., Шокин И. Н. Основы структурно-инвестиционной политики в современных российских условиях // Вестник Финансового университета. 2017. № 1. С. 6–16.
15. Полтерович В. М. О стратегии догоняющего развития для России // Экономическая наука современной России. 2007. № 3 (38). С. 17–23.
16. Доци Дж. Экономическая координация и динамика: некоторые особенности альтернативной эволюционной парадигмы // Вопросы экономики. 2012. № 12. С. 31–60.
17. Винслав Ю. Б. Промышленно-инновационная политика в системе государственного управления экономикой: новейшие модернизационные проблемы и подходы к их решению // Российский экономический журнал. 2018. № 3. С. 3–27.
18. Паппэ Я. Ш. Российский крупный бизнес как экономический феномен: специфические черты, модели его организации // Проблемы прогнозирования. 2002. № 2. С. 83–92.
19. Тамбовцев В. Л. Нуждается ли промышленная политика в теоретических оправданиях? // Вопросы экономики. 2017. № 5. С. 21–37.
20. Капитал страны. Федеральное интернет-издание. URL: https://kapital-rus.ru/articles/article/iz_rossii_vyveli_bolee_800_mlrd_dollarov_za_chetvert_veka/ (дата обращения: 27.02.2021).
21. Красильщиков В. Деиндустриализация, реиндустриализация и развитие // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 8. С. 34–43.
22. Баранов О. А. Об искусстве компромисса между целями экономической политики в свете кризиса в России в 2015–2016 годах // ЭКО. 2017. № 6. С. 50–63.
23. Корнев А. К., Максимцова С. И., Трещина С. В. Вертикально интегрированные межотраслевые корпорации как форма перехода от деиндустриализации к реиндустриализации отечественной рыночной экономики // Проблемы прогнозирования. 2017. № 5. С. 50–58.
24. Корнев А. К., Максимцева С. И., Трещина С. В. Рост цен на продукцию добывающей промышленности в постсоветский период и деиндустриализация экономики // Проблемы прогнозирования. 2016. № 5. С. 70–85.
25. Рейтинг крупнейших 400 компаний по России по объему реализованной продукции. URL: <https://expert.ru/dossier/rating/expert-400/> (дата обращения: 27.02.2021).
26. Forbes назвал 2000 крупнейших публичных компаний. Из них 23 — российские. URL: www.forbes.ru/newsroom/biznes/400423-forbes-nazval-2000-krupneyshih-publichnyh-kompaniy-iz-nih-23-rossiyskie/ (дата обращения: 27.02.2021).

REFERENCES

1. Aganbegyan A. On the eve of structural reforms and socio-economic growth: where to go? (Reflections on the book «New Integral Society») // ECO. 2017. No. 1. Pp. 72–93.
2. Vinslav Y. B. Evolution of the post-Soviet economic system // RER. 2020. No. 1. Pp. 3–53.
3. Glazyev S. Yu., Ivanter V. V., Makarov V. L., Nekipelov A. D., Tatarkin A. I., Grinberg R. S., Fetisov G. G., Tsvetkov V. A., Batchikov S. A., Ershov M. V., Mityaev D. A., Petrov Yu. A. On the strategy of development of the Russian economy // Economic science of modern Russia. 2011. No. 1. Pp. 3–22.
4. Glazyev S. Yu., Chistilin D. K. Where will Russia go? (Analysis of the proposed programs for the socio-economic development of the country) // Russian journal. 2017. No. 6. Pp. 3–20.
5. Kleiner G. B. From «the economy of individuals» to the systemic economy // Problems of Economics. 2017. No. 8. Pp. 56–74.
6. Aganbegyan A. On urgent measures to resume social and economic growth // Problems of forecasting. 2019. No. 1. Pp. 3–15.
7. Kudrov V. M. Economy of Russia: essence and visibility // World economy and international relations. 2009. No. 2. Pp. 39–48.
8. Bazhutina I. A., Bazhutina M. M. Postindustrial model of development of Russia // Management sciences. 2017. No. 2. Pp. 15–23.
9. Kondratyev V. B. The corporate sector and the state in the strategy of global competitiveness // World Economy and International Relations. 2009. No. 3. Pp. 24–31.
10. Mezhev S. I., Mezhev I. S. National projects: a new corporate governance model is needed // Management and business administration. 2019. No. 2. Pp. 128–144.
11. Bessonova O. E. Institutional dilemma of modern Russia // Economic science of modern Russia. 2018. № 4 (82). Pp. 23–36.

12. Stieglitz J. Quis custodiet ipsos custodes? Failures of corporate governance in the transition to the market // *Economic science of modern Russia*. 2001. No. 4. Pp. 108–139.
13. Ivanter V. V., Govtvan O. Dzh., Gusev M. S., Ksenofontov M. Yu., Kuvalin D. B., Moiseev A. K., Porfirev B. N., Semikashev V. V., Uzyakov M. N., Shirov A. A. A system of measures to restore economic growth in Russia // *Problems of forecasting*. 2018. No. 1. Pp. 3–9.
14. Ivanter V. V., Porfiriev B. N., Shirov A. A., Shokin I. N. Fundamentals of structural — investment policy in modern Russian conditions // *Bulletin of the Financial University*. 2017. No. 1. Pp. 6–16.
15. Polterovich V. M. On the strategy of catch-up development for Russia // *Economic science of modern Russia*. 2007. No. 3 (38). Pp. 17–23.
16. Dosie J. Economic coordination and dynamics: some features of the alternative evolutionary paradigm // *Problems of Economics*. 2012. No. 12. Pp. 31–60.
17. Vinslav Yu. B. Industrial and innovation policy in the system of public administration of the economy: the latest modernization problems and approaches to their solution // *Russian Economic Journal*. 2018. No. 3. Pp. 3–27.
18. Pape Ya. Sh. Russian big business as an economic phenomenon: specific features, models of its organization // *Problems of forecasting*. 2002. No. 2. Pp. 83–92.
19. Tambovtsev V. L. Does industrial policy need theoretical justifications? // *Economic Issues*. 2017. No. 5. Pp. 21–37.
20. Capital of the country. Federal Internet edition. URL: https://kapital-rus.ru/articles/article/iz_rossii_vyveli_bolee_800_mlrd_dollarov_za_chetvert_veka/ (date of access: 27.02.2021).
21. Krasilshchikov V. Deindustrialization, reindustrialization and development // *World Economy and International Relations*. 2016. No. 8. Pp. 34–43.
22. Baranov O. A. On the art of compromise between the goals of economic policy in the light of the crisis in Russia in 2015–2016 // *ECO*. 2017. No. 6. Pp. 50–63.
23. Kornev A. K., Maksimtsova S. I., Treshchina S. V. Vertically integrated intersectoral corporations as a form of transition from deindustrialization to reindustrialization of the domestic market economy // *Problems of forecasting*. 2017. No. 5. Pp. 50–58.
24. Kornev A. K., Maksimtseva S. I., Treshchina S. V. The rise in prices for products of the extractive industry in the post-Soviet period and the de-industrialization of the economy // *Problems of forecasting*. 2016. No. 5. Pp. 70–85.
25. Rating of the largest 400 companies in Russia by volume of products sold. URL: <https://expert.ru/dossier/rating/expert-400/> (date of access: 27.02.2021)
26. Forbes Names 2000 Largest Public Companies. Of these, 23 are Russian. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/biznes/400423-forbes-nazval-2000-krupneyshih-publichnyh-kompaniy-iz-nih-23-rossiyskie/> (date of access: 27.02.2021).

Поступила в редакцию: 12.03.2021.

Принята к печати: 05.04.2021.